

Макрутин Вадим Юрьевич, студент,
Полоцкий государственный университет им. Ефросинии Полоцкой
Makrutin Vadim Yuryevich, student,
Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk

**ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ДЕЙСТВИЯ ЧАТ-БОТОВ, ИИ И ИГРОВЫХ NPC
TORT LIABILITY FOR THE ACTIONS
OF CHATBOTS, AI, AND GAME NPCS**

Аннотация. Исследуются проблемы отсутствия легального определения насилия в УК Беларуси. Анализируются доктринальные подходы, признаки насилия и зарубежный опыт. Обосновывается необходимость законодательного закрепления дефиниции для унификации правоприменения и квалификации преступлений.

Abstract. The problems of the absence of a legal definition of violence in the Belarusian Criminal Code are investigated. Doctrinal approaches, signs of violence and foreign experience are analyzed. The necessity of legislative consolidation of the definition for unification of law enforcement is substantiated.

Ключевые слова: Уголовное право, насилие, физическое насилие, психическое насилие, квалификация преступлений, УК Беларуси, правоприменение, домашнее насилие, истязание, сравнительное правоведение.

Keywords: Criminal law, violence, physical violence, mental violence, qualification of crimes, Criminal Code of Belarus, law enforcement, domestic violence, torture, comparative law.

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровой трансформацией в Беларуси, где искусственный интеллект (ИИ) и чат-боты внедряются в госуправление, банки, сферу услуг и образования. Развитие автономных программных агентов создает ситуацию правовой неопределенности, так как классические конструкции деликтного права не приспособлены к причинению вреда программами без статуса субъекта права. В белорусской доктрине отмечается необходимость осмысления вопроса о субъекте преступления и ответственности за вред, причиненный ИИ [20]. Отсутствие легального определения ИИ в законодательстве Республики Беларусь актуализирует поиск решений в рамках Гражданского кодекса (ГК РБ) и Уголовного кодекса (УК РБ). В белорусской науке В.А. Шаршун обосновывает тезис о невозможности признания ИИ субъектом права, настаивая на сохранении традиционной конструкции, где ИИ – объект, а ответственность несет человек [14]. К.С. Фомин предлагает классификацию ботов по степени автономности, допуская для агентных систем квазисубъектность в ограниченных пределах, например, как «электронного представителя» владельца [15]. Н.С. Минько занимает промежуточную позицию, фокусируясь на проблеме ответственности и предлагая считать ИИ особым объектом – источником повышенной опасности с распределением ответственности между разработчиком и владельцем [16]. В российской доктрине А.В. Нестеров обосновывает концепцию «электронного лица» для сложных ИИ-систем [17], тогда как В.Б. Наумов критикует это как преждевременное, настаивая на сохранении традиционной конструкции [18]. В европейской науке дискуссия сконцентрирована вокруг разграничения ответственности разработчика и пользователя, а также проблемы «черного ящика» нейросетей [19; 4; 5]. В настоящей работе мы примыкаем к позиции Минько и Наумова, отрицая необходимость признания ИИ субъектом права. Эффективным считается механизм квалификации высокоавтономных ИИ-систем как источников повышенной опасности, введение презумпции вины владельца,

обязательного страхования и четких правил доказывания, как показывает опыт Казахстана [6]. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с причинением вреда автономными программами (игровыми и чат-ботами). Предметом исследования являются нормы гражданского и уголовного законодательства Республики Беларусь, судебная практика и доктринальные источники. Цель исследования – разработать теоретические основы квалификации вреда, причиненного игровыми и чат-ботами, обосновать возможность присвоения таким программам статуса «орудия совершения преступления» и определить механизм распределения деликтной ответственности. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать правовой статус игровых и чат-ботов; выявить пробелы в правовом регулировании; обосновать возможность признания ИИ «орудием совершения преступления»; разработать предложения по совершенствованию законодательства. Исследование базируется на диалектическом методе научного познания. Используются общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). Системный подход позволил выявить пробелы в системе правового регулирования и указал на неспособность применения классических конструкций, что требует специализированного правового регулирования.

Рассмотрим понятие и классификацию чат-ботов в нормативных актах и доктрине Республики Беларусь. Конституционный Суд Республики Беларусь в своих Посланиях 2025 и 2026 годов указал, что «в условиях цифровизации объективно актуализируется необходимость как доктринального осмысления понятия и содержания технологий искусственного интеллекта, так и разработки согласованного правового регулирования» [1; 2]. Легальное определение чат-бота содержится в технических нормативных правовых актах (ТНПА), однако не закреплено в ГК РБ и УК РБ, что создает сложности для правоприменения. В работах К.С. Фомина предложена классификация чат-ботов по способу взаимодействия (текстовые, голосовые, мультимодальные), по функциональному назначению (информационные, транзакционные, развлекательные/игровые) и по степени автономности (реагирующие на команды, агентные) [15]. Игровые боты (NPC) функционируют в виртуальной среде видеоигр, обладают определенной степенью автономности, могут взаимодействовать не только с пользователями, но и между собой, способны причинять вред как морального характера, так и косвенного материального. Далее проанализируем правовой статус искусственного интеллекта и чат-ботов в системе белорусского права. По действующему законодательству РБ чат-боты и иные системы ИИ не обладают правосубъектностью, не могут быть признаны ни физическими, ни юридическими лицами [8]. Данный подход соответствует традиционному пониманию субъекта права в романо-германской правовой системе. Однако развитие автономных алгоритмов, способных к самообучению, ставит вопрос о переосмыслении их статуса. Российская Федерация разработала Концепцию регулирования ИИ до 2030 года, закрепляющую принципы человекоцентричности, недопущения антропоморфизации ИИ и внедрение экспериментальных правовых режимов («песочниц») [7]. Республика Казахстан приняла первый на постсоветском пространстве специальный закон «Об искусственном интеллекте» (2024 г.), закрепляющий ответственность оператора ИИ-системы с возможностью освобождения при доказывании непреодолимой силы, умысла потерпевшего либо скрытого дефекта алгоритма, а также вводящий обязательное страхование для высокорисковых систем [6]. Европейский Союз принял Регламент об ИИ (AI Act, 2024 г.), базирующийся на риск-ориентированном подходе с выделением четырех категорий риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный [4]. В РБ сохраняется традиционный подход: ИИ-системы рассматриваются как инструмент, а ответственность возлагается на разработчика или

владельца. Как отмечает Н.С. Минько, «вопросы, касающиеся правового регулирования отношений, возникающих по поводу объектов, создание которых обусловлено использованием искусственного интеллекта, являются сложными и требуют тщательной проработки» [16]. Важной проблемой является соотношение действий бота с категорией «сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия или автоматических действий» (ст. 179 ГК РБ) [8]. В уголовно-правовой доктрине также ведутся дискуссии о необходимости введения в УК РБ запретов, обеспечивающих охрану человека от вреда, причиненного ИИ [20]. Проведем сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию ответственности за вред, причиненный ИИ. Европейский Союз принял AI Act (2024) с риск-ориентированным подходом [4]. Вопросы деликтной ответственности дополняются Пересмотренной Директивой об ответственности за дефектную продукцию, распространяющейся на программное обеспечение [5]. ИИ в ЕС остается объектом правового регулирования. Республика Казахстан в законе 2024 года закрепил ответственность оператора с освобождением при непреодолимой силе, умысле потерпевшего или скрытом дефекте алгоритма, а также ввел обязательное страхование [6]. Казахский закон также закрепляет, что ИИ не является субъектом права. Российская Федерация разработала Концепцию до 2030 года, закрепляющую недопущение антропоморфизации ИИ и внедрение «регулятивных песочниц» [7]. Беларусь находится на начальном этапе: отсутствует легальное определение ИИ в кодексах, не разработана национальная классификация, нет механизмов страхования и сертификации. Позитивным шагом является принятие Межпарламентской Ассамблеей СНГ 18 апреля 2025 года модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта», разработчиком которого выступил Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси [3]. Конституционный Суд РБ в Посланиях 2025 и 2026 годов указал на необходимость принятия специального закона [1; 2]. На основе проведенного сравнительного анализа целесообразно заимствовать из опыта ЕС риск-ориентированный подход и требования к логированию [4], из опыта Казахстана - конструкцию ответственности оператора с четкими основаниями освобождения и механизм обязательного страхования [6], из опыта РФ - принцип недопущения антропоморфизации ИИ и механизм экспериментальных правовых режимов [7; 18]. Вывод по главе: действующее законодательство РБ не содержит легального определения ИИ в кодифицированных актах. Наиболее сложные самообучающиеся системы способны к действиям, не поддающимся полному контролю, что является ключевым для квалификации их как источников повышенной опасности. В белорусском праве назрела необходимость принятия спецзакона «О технологиях искусственного интеллекта», а до его принятия - применения по аналогии конструкции источника повышенной опасности (ст. 948 ГК РБ) [8].

Обратимся к гражданско-правовой ответственности по Гражданскому кодексу Республики Беларусь. Основным источником является ст. 933 ГК РБ, устанавливающая общие основания ответственности за причинение вреда: вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [8]. Применение данной нормы к ботам сталкивается с проблемой доказывания вины, поскольку бот не является субъектом права. Более перспективной представляется конструкция ответственности за источник повышенной опасности (ст. 948 ГК РБ) [8]. В юридической доктрине выработаны критерии отнесения объекта к источникам повышенной опасности: вредоносный потенциал, невозможность полного контроля со стороны человека, связь с деятельностью владельца. Автономные боты, особенно обладающие способностью к самообучению, соответствуют этим критериям. При определении субъекта ответственности необходимо разграничивать ответственность разработчика (за дефекты алгоритма) и владельца (за надлежащую эксплуатацию). Закон РБ «Об информации, информатизации и защите информации» устанавливает обязанности владельцев информационных систем, включая системы на базе ИИ [10]. Рассмотрим

уголовно-правовой аспект и присвоение статуса «орудия совершения преступления». УК РБ оперирует понятием «орудие преступления» (ст. 15, 16, 31) [9]. При умысле оператора бот может использоваться как орудие по аналогии со ст. 16 УК РБ (совершение преступления с использованием других лиц, не подлежащих уголовной ответственности) [9]. Проблемной является ситуация казуса – невиновного причинения вреда при непредвиденных ошибках алгоритма («галлюцинациях» нейросети), где субъективная сторона отсутствует, что исключает уголовную ответственность. В науке обсуждается введение в УК РБ специальных составов преступлений, учитывающих специфику использования ИИ [20]. Конституционный Суд РБ подчеркнул необходимость «установления четких юридических правил на принципах безопасности и ответственности всех участников данных отношений» [1]. Далее опишем механизм доказывания, экспертизу и фиксацию инцидентов. Для успешного рассмотрения дела потерпевший должен обеспечить сбор доказательств: факт взаимодействия с ботом (скриншоты с датой и временем, нотариальное заверение), контекст взаимодействия (название платформы, версия бота), технические следы (логи сервера, IP-адреса) и последствия вреда (выписки по счетам, медицинские заключения). Важнейшее требование – обеспечение цепи хранения (chain of custody) [26]. Для установления причин нештатного поведения бота, особенно при доказывании «скрытого дефекта алгоритма», необходимо проведение специализированной судебной экспертизы. В Республике Беларусь предлагается трехуровневая система: Государственный комитет судебных экспертиз (с созданием специализированного отдела), Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси (для наиболее сложных экспертиз) и аккредитованные частные экспертные организации. При проведении экспертизы следует руководствоваться международными стандартами, в частности ISO 42001 [11]. В деле The New York Times против OpenAI суд признал логи ИИ допустимыми доказательствами при условии обеспечения анонимности и целостности данных [21]. Ключевой вопрос – распределение бремени доказывания. Предлагается следующая конструкция: потерпевший доказывает факт причинения вреда, причинно-следственную связь и обеспечивает цепь хранения (стандарт доказывания – разумная степень вероятности). Владелец бота доказывает отсутствие своей вины – предлагается ввести презумпцию вины владельца ИИ-системы. Владелец освобождается от ответственности, если докажет непреодолимую силу, умысел потерпевшего, скрытый дефект алгоритма (невозможно было выявить при надлежащей эксплуатации) либо действия третьих лиц, которые он не мог предотвратить. При доказывании скрытого дефекта алгоритма владелец освобождается от ответственности перед потерпевшим, но в дело вступает механизм обязательного страхования: потерпевший получает возмещение от страховщика, который затем предъявляет регрессный иск к разработчику. Выводы по главе: по гражданскому праву перспективной является квалификация автономных ботов как источников повышенной опасности (ст. 948 ГК РБ). Ключевой проблемой остается доказывание. По уголовному праву бот может признаваться «орудием преступления» (ст. 16 УК РБ) только при умысле оператора. При казусе уголовная ответственность исключается, но действуют гражданско-правовые механизмы. Для преодоления разрыва между признанием автономности ИИ и отсутствием субъекта ответственности предлагается трехзвенная система: квалификация высокоавтономных систем как источников повышенной опасности; введение презумпции вины владельца со строго ограниченными основаниями освобождения; обязательное страхование ответственности для высокорисковых систем.

Охарактеризуем современное состояние правового регулирования и перспективы развития. Важным шагом стало принятие Межпарламентской Ассамблеей СНГ 18 апреля 2025 года модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта», разработчиком которого выступил Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси [3]. В Беларуси

обсуждается вопрос о целесообразности разработки отдельного закона о технологиях ИИ либо принятия технических нормативных правовых актов [28]. Конституционный Суд РБ полагает, что «необходимо принять закон "О технологиях искусственного интеллекта"» [2]. Предложим гражданско-правовые коррективы. Во-первых, предлагается уточнить ст. 948 ГК РБ, распространив режим источника повышенной опасности на «автономные программно-аппаратные комплексы, способные причинить вред». Во-вторых, предлагается ввести презумпцию вины владельца ИИ-системы, который обязан возместить вред, пока не докажет свою невиновность, а также ввести основания освобождения: непреодолимая сила, умысел потерпевшего, скрытый дефект алгоритма, не выявленный при надлежащей эксплуатации, либо действия третьих лиц, которые владелец не мог предотвратить. В-третьих, необходимо законодательное закрепление обязанности разработчиков и операторов высокорисковых ИИ-систем по страхованию риска ответственности за причинение вреда (по аналогии с ОСАГО). Предложим уголовно-правовые коррективы. Во-первых, предлагается включить в Общую часть УК РБ статью о «причинении вреда искусственным интеллектом», которая бы разграничивала казус (невиновное причинение вследствие непредвиденной ошибки алгоритма – исключает уголовную ответственность) и небрежность оператора (ответственность по общим правилам). Во-вторых, предлагается дополнить ст. 16 УК РБ указанием на использование автоматических систем: «Совершение преступления с использованием других лиц, не подлежащих уголовной ответственности... либо с использованием автоматических систем (систем искусственного интеллекта, программных ботов), функционирующих без непосредственного контроля человека, не освобождает виновного от уголовной ответственности». В-третьих, предлагается дополнить ряд составов преступлений (мошенничество, неправомерный сбор персональных данных, распространение вредоносных программ) квалифицирующим признаком «совершение деяния с использованием системы искусственного интеллекта». Введем градацию автономности и риска. Предлагается выделить четыре уровня риска. К минимальному уровню относятся системы без автономности и самообучения (простые чат-боты поддержки) – применяется общий режим ответственности по ст. 933 ГК РБ, страхование не требуется. К ограниченному уровню относятся системы с ограниченной автономностью под надзором человека (продвинутые чат-боты банков для консультаций, сложные игровые NPC) – вводится обязанность прозрачности (маркировка ИИ-контента), применяется презумпция вины владельца, страхование рекомендуется. К высокому уровню относятся системы с высокой степенью автономности без постоянного надзора, имеющие доступ к платежным операциям (самообучающиеся чат-боты с правом совершения транзакций, ИИ-системы кредитного скоринга) – обязательная сертификация, обязательное страхование, полное логирование. Для финансовых чат-ботов минимальная страховая сумма может быть установлена в размере 50 000 базовых величин, для медицинских ИИ-ассистентов – 100 000 базовых величин, для игровых ботов с выводом средств – 25 000 базовых величин. К неприемлемому уровню относятся запрещенные системы (социальный скоринг, манипулятивные ИИ). Ключевым элементом предлагаемого регулирования является принятие специального закона «О технологиях искусственного интеллекта», который должен установить риск-ориентированную классификацию, ввести обязательную сертификацию и страхование для высокорисковых систем, закрепить требования к логированию в соответствии с ISO 42001 [11], а также создать уполномоченный орган в сфере ИИ. Необходимы также процессуальные гарантии: законодательное закрепление допустимости логов ИИ-систем в качестве доказательств при условии обеспечения цепи хранения, определение порядка судебной экспертизы ИИ-систем с указанием уполномоченных экспертных учреждений (ГКСЭ, НАН Беларуси), а также распределение бремени доказывания таким образом, чтобы потерпевший доказывал факт причинения вреда и причинно-следственную связь, а владелец ИИ-системы – отсутствие своей вины.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. По законодательству Республики Беларусь игровые и чат-боты не обладают правосубъектностью, признаются объектами правоотношений [8]. Отсутствие легального определения ИИ в кодифицированных актах создает сложности для правоприменения. Конструкция «источник повышенной опасности» (ст. 948 ГК РБ) может быть применена к автономным ботам, но требует законодательного уточнения. В уголовном праве РБ возможна квалификация бота как «орудия преступления» (ст. 16 УК РБ) при умысле оператора. Для случаев автономного причинения вреда при отсутствии вины оператора требуется четкое законодательное разграничение казуса, небрежности и умысла. В Беларуси ведется активная работа по созданию нормативной базы: принят модельный закон СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» [3], разрабатывается национальная концепция, создана рабочая группа. Конституционный Суд РБ указал на необходимость принятия специального закона [2]. Перспективы совершенствования законодательства связаны с внесением изменений в ГК РБ (уточнение статуса ИИ-систем как источников повышенной опасности, введение презумпции вины владельца), дополнением УК РБ (положения о квалификации деяний с использованием ИИ) и принятием спецзакона «О технологиях искусственного интеллекта». Предлагаемая риск-ориентированная классификация позволяет учитывать различия между игровыми и чат-ботами. Для игровых NPC, функционирующих в виртуальной среде без доступа к реальным финансовым операциям, применяется ограниченный или минимальный уровень риска: требования прозрачности, презумпция вины владельца, но страхование носит рекомендательный характер. Для чат-ботов, взаимодействующих с реальными финансовыми или персональными данными, устанавливается высокий уровень риска с обязательной сертификацией, страхованием и полным логированием. Такая дифференциация позволяет избежать избыточного регулирования для малых игровых проектов и одновременно обеспечить максимальную защиту потерпевших в наиболее опасных сферах применения ИИ. Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы. Дальнейшие научные изыскания могут быть направлены на сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию ИИ в различных правовых системах, а также на разработку конкретных методик расследования и судебного рассмотрения дел о вреде, причиненном автономными программными системами.

Список литературы:

1. Конституционный Суд Республики Беларусь. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь: Послание Президенту Респ. Беларусь и палатам Нац. собрания Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – 45 с.
2. Конституционный Суд Республики Беларусь. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь: Послание Президенту Респ. Беларусь и палатам Нац. собрания Респ. Беларусь. – Минск, 2026. – 52 с.
3. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. О технологиях искусственного интеллекта: модельный закон (принят 18.04.2025). – (дата обращения: 15.04.2026).
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L series. (date of access: 15.04.2026).
5. Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products (recast) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L series (date of access: 15.04.2026).

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам искусственного интеллекта: Закон Респ. Казахстан (проект). (date of access: 15.04.2026).

7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024). – URL: (дата обращения: 15.04.2026).

